

М. А. Козлов

Адвокатское бюро Urals Legal
(Екатеринбург)

СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕЦЕПЦИИ ИНОСТРАННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Отмечается сущностное сходство англо-американских стандартов доказывания и традиционного для континентальной процессуальной доктрины стандарта внутреннего убеждения. Как бы парадоксально это ни звучало, применительно к стандартам доказывания можно в одно и то же время говорить и об унификации, и о конкуренции национальных процессуальных систем. Рассуждая о рецепции стандартов доказывания, необходимо предварительно исследовать их понимание и практику применения в странах системы общего права, а также в иностранных континентальных юрисдикциях. Этим и продиктована последовательность изложения материала: первая часть статьи посвящена изучению стандартов доказывания в странах системы общего права; вторая – исследованию механизма оценки доказательств в европейских юрисдикциях континентального права; в третьей части мы рассмотрим, что считает стандартами доказывания отечественная процессуальная наука, и как эта позиция соотносится с иностранной доктриной.

Ключевые слова: стандарты доказывания, внутреннее убеждение, вне разумных сомнений, перевес доказательств

Для цитирования

Козлов М. А. Стандарты доказывания как результат рецепции иностранного процессуального права // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 28–39. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_28.

УДК: 347.941

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_28

Оценка доказательств в системе общего права

Стандарт доказывания как степень убежденности суда

В англо-американской доктрине сложился подход, согласно которому установление фактов в судебном разбирательстве – это, как правило, вопрос вероятностей, а не абсолютной достоверности. «Только те гипотезы являются разумными и подлежащими проверке, в отношении которых суд может установить, что: а) вероятно случилось, или б) очень вероятно, что случилось, или в) практически несомненно случилось. Никакие другие предположения не могут быть оправданными и обоснованными опытом и знаниями» [McVaine 1944].

В соответствии с описанными видами вероятности в США для разрешения дел используют три основных стандарта доказывания: «за пределами разумных сомнений»,

«перевес доказательств» и «ясные и убедительные доказательства».

В Англии суды используют два стандарта доказывания: стандарт «за пределами разумных сомнений» для уголовных дел и стандарт «баланс вероятностей» для гражданско-правовых споров [Будылин 2014].

Убеждение как степень вероятности, или теория веры в правду

При рассмотрении гражданских дел вред, который может принести ошибочное решение, не считается непоправимым. Нет необходимости освобождать присяжных от всяких сомнений, они обязаны принять решение в пользу той стороны, доказательства которой перевешивают и в соответствии с разумной вероятностью истинны (в уголовных делах ввиду того что последствия неправильного решения могут быть более серьезными и даже непоправимыми, присяжные должны быть убеждены вне всяких разумных сомне-

ний в виновности обвиняемого, или их обязанность – оправдать его)¹.

Стандарт перевеса доказательств, который часто формулируют как «скорее вероятно, чем нет» либо как «баланс вероятностей», обычно трактуется как требующий от суда убеждения в том, что утверждение об устанавливаемом факте истинно более чем на 50 % [Wright 2009: 80].

В английском праве наиболее цитируемым определением стандарта доказывания «баланс вероятностей» при рассмотрении гражданских дел является характеристика, данная лордом Деннингом в деле «Миллер против Министра пенсионного обеспечения». В соответствии с ней «если доказательства таковы, что суд может сказать: „мы считаем это более вероятным, чем нет“, то бремя доказывания считается выполненным, но если вероятности равны, то нет» [Schweizer 2016: 219].

Некоторые американские судьи и присяжные заседатели интерпретировали стандарт «перевеса доказательств» или стандарт «скорее вероятно, чем нет» просто как требующий статистической вероятности 50+ %. В известном деле «Чиполлоне против Лиггетт Групп» Апелляционный суд третьего округа США подверг сомнению попытки некоторых судов использовать простую статистику для определения и доказывания причинно-следственной связи «если бы не...». Суд указал: «Мы не склонны считать, что, когда присяжные говорят, что „если бы не“ поведение подсудимого, травма не была бы причинена, они определяют, что вероятность того, что эта травма является результатом поведения подсудимого, составляет 50 % или более. Традиционно инструкции присяжных заключались в словах, а не в цифрах»².

Сам термин «стандарт доказывания» американские ученые связывают с элементами убеждения или уверенности. Выполнение бремени доказывания соотносится со степенью уверенности, которой должен достичь суд, чтобы признать утверждение о факте истинным. Эти степени уверенности можно выразить в терминах вероятности [McCauliff 1982: 1293].

Вопреки распространенному среди некоторых ученых мнению [Аргунов, Долова 2019;

¹ Jackson v. Delaware L. & W. R. R., 111 N. J. L. 487, 170 Atl. 22, 23–24 (1933).

² Cipollone v. Liggett Group, Inc. 893 F.2d 541 (3d Cir. 1990). Nos. 88-5732, 88-5770, 88-5771, 88-5784. United States Court of Appeals, Third Circuit.

Рыжов 2012; Решентникова 2021], стандарт «перевеса доказательств» в Соединенных Штатах традиционно понимался судьями и представлялся присяжным как критерий убежденности или уверенности в истинности факта, о котором идет речь, а не как вопрос простой математической или статистической вероятности [Wright 2009: 87].

Согласно широко используемой Федеральной модельной инструкции для присяжных перевес доказательств по делу означает формирование убеждения в том, что устанавливаемый по делу факт представляется с большей вероятностью существующим, чем несуществующим, на основании исследования доказательств и сравнения их друг с другом. Это правило, конечно, не требует доказательства с абсолютной уверенностью, поскольку доказательство с абсолютной уверенностью в любом случае редко возможно [Ibid: 88].

Суть этой инструкции идентична стандартам убеждения, изложенным в немецких Уголовно-процессуальном и Гражданском процессуальном кодексах. Хотя американская инструкция не включает в себя принцип «свободной оценки доказательств», подчеркнутый в немецких нормах, в ней делается тот же акцент на необходимом формировании убеждения или уверенности в истинности устанавливаемых фактов. Кроме того, в отличие от немецких норм, в ней указывается необходимая степень такого убеждения [Ibid:]. Она определяется минимальным перевесом доказательств, едва достаточным для формирования уверенности в истинности рассматриваемых фактов: нужна малейшая степень уверенности³, а не гораздо более сильная степень убеждения, требуемая в соответствии со стандартом «четкие и убедительные доказательства» или стандартом «вне разумных сомнений», которые в более буквальном смысле являются стандартами убеждения (а не просто вероятности).

В гражданских делах степень убеждения основана на любом воспринимаемом жюри присяжных различии между обратно пропорциональными переменными вероятностями: вероятностью того, что событие, которое необходимо установить, действительно произошло, и вероятностью того, что оно не произошло [Ball 1961: 818]. «Должны ли эти

³ Livanovitch v. Livanovitch, 131 A. 799, 800 (Vt. 1926). Supreme Court of Vermont. November Term, 1925.

вероятности быть „установлены только на основании перевеса доказательств“?»? И есть ли здесь дополнительное требование, такое как чувство „уверенности“, которое может существовать вопреки перевесу доказательств и которое должно согласовываться с ним, прежде чем можно будет сделать вывод?» – задается вопросом В. Болл [Ball 1961: 818].

Укоренившаяся в системе общего права логическая (субъективная) интерпретация вероятности имеет не только политико-правовое, но и логико-философское основание

«...Весомость доказательства есть его способность убедить суд, который устанавливает факт, в действительной истинности доказываемого положения. После того как доказательства взвешены, доказываемый факт считается установленным перевесом доказательств, если он представляется более вероятным или правдоподобным в смысле, что действительная вера в его истинность, вытекающая из доказательств, существует в сознании суда, несмотря на любые сомнения, которые могут все еще сохраняться там...»¹. Следовательно, стандарт «перевес доказательств» означает «перевес» убеждения относительно истинности или ложности утверждения о существовании устанавливаемого факта.

Теория логической вероятности как философская основа стандартов доказывания

Как было показано ранее, англо-американская процессуальная доктрина исходит из того, что стандарты доказывания в системе общего права определяют необходимую степень убеждения суда в истинности доказательств. Они позволяют судье или присяжным сделать вывод относительно выполнения сторонами бремени доказывания и принять соответствующее решение. Степень убеждения определяется не в абсолютных, а лишь в относительных величинах («скорее да, чем нет»).

Аналогичный подход к убеждению как к способу измерения вероятности можно встретить и за пределами правовой науки, например в работах выдающегося экономиста Джона Мейнарда Кейнса. Он предлагал

¹ Lummus J., in *Sargent v. Massachusetts Acc. Co.*, 307 Mass. 246, 29 N.E.2d 825, 827 (1940).

определять степень вероятности правдоподобного суждения не численно, а посредством сравнения одних вероятностей с другими (правда, при этом он считал, что в некоторых случаях даже такое измерение не представляется возможным) [The Collected Writings 2013]. Подобный подход получил название теории логической вероятности.

На целесообразность использования теории логической вероятности обращал внимание и немецко-американский логик и философ Рудольф Карнап, указывавший, что объективная (статистическая) и субъективная (логическая) интерпретации вероятности не противоречат друг другу, однако каждая из них имеет разные области применения [Carnap 1950: 41–46]. Британский математик Фрэнк Пламптон Рамсей тоже рассматривал теорию вероятности в качестве обобщения формальной логики [Ramsey 1960: 186]. По утверждению Дж. Брука, субъективное решение о вероятности того или иного события можно рассматривать как объективное, если в его основу положен рациональный смысл [Brook 1982: 84–85].

Таким образом, можно заметить, что укоренившаяся в системе общего права логическая (субъективная) интерпретация вероятности имеет не только политико-правовое, но и логико-философское основание. Если, говоря о политико-правовых мотивах появления тех или иных процессуальных институтов, мы можем сослаться на «местные» особенности и традиции, то математическая логика и философия все-таки имеют всеобщий характер. Это служит дополнительным аргументом в пользу того, что непреодолимые препятствия для рецепции стандартов доказывания отсутствуют.

Оценка доказательств в иностранных юрисдикциях системы континентального права

Политико-правовые условия для появления внутреннего убеждения как основания оценки доказательств

В отличие от системы общего права, в праве континентальной Европы нет строгого различия между стандартами доказывания, применяемыми в гражданских и уголовных делах.

Идея о том, что закон не должен придавать вес доказательствам, широко превозносилась как один из краеугольных камней установле-

ния фактов в суде в эпоху Просвещения. Как известно, взгляды европейских процессуалистов на свободное доказывание развивались на фоне критики отжившей системы доказательственного права времен Французской революции. Основным объектом этой критики были правила романо-канонического происхождения, которые придавали вес доказательствам определенных видов. Эти правила подвергались критике за то, что они вынуждали суд решать вопросы фактов вопреки тому, что он считал истинным. Достоверность доказательства должна была быть оставлена на юридически неограниченное усмотрение лица, проверяющего факты, на его внутреннее убеждение [Damaška 1995: 343–344].

Отказ законодателя от регулирования оценки доказательств основывался на убеждении в том, что сила доказательств слишком зависит от контекста, чтобы ее можно было должным образом определить *ex ante* с помощью безусловных правовых норм. Таким образом, на эпистемологическом уровне принятие свободной оценки доказательств было, по выражению М. Дамаски, актом смирения, выбором второго лучшего [Ibid: 344].

Считалось, что снятие «юридических цепей» с оценки доказательств являлось необходимым условием для введения желательных форм участия непрофессионалов (присяжных заседателей) в отправлении правосудия. Считалось, что юридические знания не требовались при установлении фактических обстоятельств, и в этой части обычные граждане, будучи представителями «суверенного народа», рассматривались в качестве замены политически неблагонадежных профессиональных судей. Однако вердикты непрофессиональных присяжных вскоре были отвергнуты как ошибочные и противоречащие весу доказательств. Недавно введенная система присяжных пришла в упадок, и в большинстве континентальных стран ее постепенно заменили смешанные суды, в которых непрофессиональные судьи решают фактические и юридические вопросы совместно с профессиональными судьями [Ibid: 345].

Для этих судов, а также для остальных исключительно профессиональных уголовных судов сложилась иная концепция свободной оценки доказательств. В соответствии с ней свобода исследователя интерпретировалась лишь как свобода от юридически обязывающих правил, касающихся веса доказательств:

такая свобода не включала ни отказ от канонического рационального вывода, ни разрешение игнорировать общепринятые максимы опыта [Ibid].

Стандарт доказывания в странах романо-германской правовой системы преимущественно представляется как не основанный на вероятности. Классическая формулировка содержится в ст. 353 Уголовно-процессуального кодекса Франции: «Закон не требует от судей отчета о средствах, с помощью которых они убедили себя; он не налагает на них каких-либо правил, из которых они должны конкретно выводить полноту и достаточность доказательств. Закон требует, чтобы они спросили сами себя в тишине и размышлении, прямо обращаясь к своей совести, какое впечатление произвели на их разум доказательства, предъявленные обвиняемому, и доводы его защиты. Закон задает им только один вопрос, заключающий в себе всю полноту их обязанностей: убеждены ли вы внутренне?» [Engel 2009: 440].

Доказательственное право, применяемое во французском гражданском судопроизводстве, в основе которого лежит Гражданский процессуальный кодекс 1976 г., в настоящее время также применяется в Бельгии и в ограниченной степени в Италии [Taruffo 2003: 661].

Появление стандартов доказывания как степени внутреннего убеждения в Европе

Относительно недавно Верховный кассационный суд Италии принял в уголовных делах стандарт, по существу эквивалентный стандарту доказывания «вне разумных сомнений» [Ibid: 665–666].

Федерико Стелла, ведущий итальянский правовед, обвинял итальянские суды в применении более строгого стандарта убеждения в гражданских делах, чем в уголовных, и решительно выступал за принятие стандарта «вне разумных сомнений» в уголовных делах и стандарта «перевеса доказательств» в гражданских делах вместо аморфного и поддающегося манипулированию стандарта «внутреннего убеждения» [Wright 2009: 85].

Верховный кассационный суд Италии применил стандарт «вне разумных сомнений» для уголовных дел и стандарт «перевеса доказательств» для гражданских дел, подчеркнув при этом, что для соответствия стандарту «перевеса доказательств» требуются доказательства, характерные для конкретного дела,

а не просто статистическая вероятность. Ф. Стелла писал: «Как ранее утверждал Верховный суд Италии, основное различие [между уголовным и гражданским процессами] заключается в стандартах доказывания, которые требует каждая система (Cass. Pen., S.U., 11.09.2002, п. 30328)» [Stella 2005: 404–405]. Уголовный кодекс требует доказательства «вне разумного сомнения», в то время как Гражданский кодекс просто требует «перевеса доказательств». Разные стандарты соответствуют разным ценностям в каждой системе [Wright 2009].

С одной стороны, в доктрине таких стран континентальной системы права, как Германия и Швейцария, утверждается, что судьи должны использовать один и тот же (высокий) стандарт «полного убеждения» как в уголовных, так и в гражданских делах. С другой стороны, эмпирические исследования показывают, что стандарт доказывания, фактически используемый судьями в континентальной системе права, не сильно отличается от стандарта «перевеса доказательств» системы общего права [Schweizer 2016: 217].

Стандартом доказывания всегда является (полное) убеждение судьи, будь то внутреннее или обоснованное убеждение (*conviction raisonnée*), мотивированное или разумное убеждение (это означает, что судья должен обосновать свое решение вескими аргументами) [Ibid: 219].

Данный стандарт описывается в прецедентном деле Федерального Верховного Суда Германии как «личное убеждение... В сомнительных случаях судья может и должен быть удовлетворен степенью уверенности, которая полезна для практической жизни и заглушает сомнения, но не исключает их полностью». Швейцарский Федеральный Верховный Суд использует аналогичное определение, согласно которому «суд должен быть убежден в правдивости утверждений о фактических обстоятельствах, базирующихся на объективных основаниях». Абсолютной уверенности не требуется. Достаточно, если у суда нет серьезных сомнений или любые оставшиеся сомнения кажутся несущественными. Ни немецкий, ни швейцарский суды никогда не называли в качестве порога для принятия решения субъективную вероятность [Ibid: 220].

Ссылки на убежденность судьи во французском стандарте «внутреннего убеждения»

и положения Уголовного и Гражданского кодексов Германии действительно обеспечивают минимальный стандарт убеждения: судья должен быть убежден или уверен в истинности рассматриваемого факта. Это «ядро» подхода континентального права к доказыванию, которое, как считается, отсутствует в таких стандартах доказывания общего права, как «перевес доказательств» и «баланс вероятностей» [Wright 2009: 84].

Несмотря на кажущуюся внешнюю разницу в подходах к оценке доказательств в системе общего и континентального права (на континенте результатом оценки доказательств выступает строго субъективное впечатление судьи; напротив, в американском праве доказательство есть объективная концепция) [Engel 2009: 436] две школы мысли сходятся во мнении, что принятие судом решения только на основании внутреннего убеждения само по себе недостаточно для подтверждения фактических выводов [Damaška 1995: 346]. Следствие этого осознанного согласия – постепенная рецепция юрисдикциями континентального права подходов к оценке доказательств системы общего права. По сути, вышеприведенные попытки континентальной системы права определить степень необходимой уверенности для принятия решения являются прообразами градации внутреннего убеждения.

Оценка доказательств в российском арбитражном и гражданском судопроизводстве

Внутреннее убеждение как основа оценки доказательств

В учении о доказывании основное – это принципы и методы оценки доказательств, ее критерии [Вышинский 1941: 22].

Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ). Законодательного определения внутреннего убеждения соответствующие процессуальные законы не содержат. В доктрине цивилистического процесса ведутся дискуссии о сущности данного понятия [Рыжов 2012]. В рамках настоящей работы автор не ставит цели глубоко исследовать внутреннее убеждение, ограничившись примерами

того, как понимают данный институт отечественные ученые.

Так, А. Т. Бонер указывает, что внутреннее убеждение принято рассматривать как собственное, не навязанное извне помимо воли судьи или иного правоприменителя убеждение, основанное на совокупности имеющихся в деле доказательств [Бонер 2009]. По мнению К. И. Комиссарова, «...внутреннее убеждение не критерий оценки доказательств, а ее результат, отражение» [Комиссаров 1969: 50]. Л. Е. Владимиров писал, что внутреннее убеждение как мерило достоверности означает, что последняя обыкновенно есть только нравственная очевидность, т. е. та высокая степень вероятности, при которой благоразумный человек считает уже возможным действовать в случаях, когда судьба собственных и самых высших его интересов зависит от решения вопроса о достоверности фактов, обуславливающих самый акт решения [Владимиров 2000: 47].

Из изложенного следует, что в отечественном процессуальном праве не выделяются степени или уровни внутреннего убеждения. Судья интуитивно определяет достаточность убеждения для принятия решения.

Исторические предпосылки появления стандартов доказывания в российском цивилистическом процессе

В дореволюционный период считалось, что «предоставлять определение силы доказательств в гражданских делах усмотрению суда, без всякого указания, чем он должен руководствоваться, значит освободить судей от обязанности разрешать фактические споры на законных основаниях...

Понятно, что в правильности такого решения, которое основано на одном субъективном убеждении судей, не имеющем никакого внешнего мерил, трудно убедиться тому, кто не участвовал в суждении дела. Поэтому если доводы решения должны быть убедительны не для одних судей, а для всякого здравомыслящего и беспристрастного человека, то такими доводами могут быть только доказательства, основанные или на данных разума, действующего по одинаковым у всех людей логическим законам мышления, или на общеизвестных данных опыта, подтверждаемого непрерывным рядом тождественных наблюдений...

Под личиною субъективного убеждения легко может укрываться самое наглое непра-

восудие, и укрываться безответственно, так как нет возможности привлечь к ответственности судей в том, что представлено их личному усмотрению. Кроме того, чтобы быть последовательным, отменяя теорию доказательств для гражданского судопроизводства, надо отменить и апелляционную ревизию гражданских дел, потому что ревизия правильности внутреннего убеждения судьи немислима, и возможен только пересмотр дела вновь с воспроизведением в суде второй степени всех тех данных, на которых постановлено решение суда первой степени...

Говорят, что присяжные составляют принадлежность уголовного процесса; но это так же несправедливо: нормальное развитие этого учреждения начинается именно с применения его к гражданскому процессу, если этого нет нигде кроме Англии, то потому только, что нигде судья не поставлен так и не искусен так, как в Англии»¹.

А. Х. Гольмстен писал, что «как вообще, так и тут напрасно искать полного воплощения идеала; можно говорить лишь о приближении к этому идеалу. Суд, стремящийся, при остальных благоприятных условиях, искренно, сознательно, упорно к достижению правды, будет правым судом – его не должна останавливать невозможность достижения безусловной истины в том или другом случае, не должна смущать относительность ее... Но, как бы то ни было, судья все-таки в рассмотренных случаях бывает иногда вынужден постановить решение, не согласное с истиной. Отрицать этого нельзя, но, с другой стороны, возводить эти случаи в общее правило и на них основывать деление самой истины на материальную и формальную, утверждать, что лишь последняя составляет будто бы удел гражданского суда, что суд гражданский добивается только того, чтобы его решение было истинным с формальной, внешней стороны, что о внутренней правде ему нечего заботиться, – это глубокое заблуждение...

Судье, созданному Уставами 20 ноября 1864 года, открываются свободные пути к достижению этой цели. Его свободному убеждению и доброй совести открывается широкий простор – особенно в оценке достоверности данных, приводимых в подтверждение правильности заявлений тяжущихся: судья определяет силу доказательств по „убеждению совести“ (ст. 129), по „усмо-

¹ Судебные уставы 1864 г.

трению“ (ст. 437), по „достоверности, ясности, полноте и вероятности“ (ст. 102, 411)» [Гольмстен 1894: 243, 245].

Давая аутентичное толкование положений Судебных уставов, комментаторы отмечали, что необходимо создать «внешнее мерило» для субъективного убеждения судей, что отсутствует предмет для ревизии вышестоящим судом убеждения суда, не обремененного объективными критериями. При этом английская система гражданского судопроизводства представлялась возможным образцом.

В советский период процессуальное право руководствовалось принципом объективной истины, который согласно господствующему взгляду несовместим с установлением фактов на основе вероятности. В советской литературе было высказано мнение, что при установлении истины вообще недопустимы какие-либо презумпции (предположения) или же допустимо установление по предположению лишь отрицательного факта – невиновности обвиняемого [Курылев 2012: 381].

Несмотря на то что решения судов в части установления фактических обстоятельств должны были соответствовать объективной действительности [Гурвич 1964: 107] (т. е. суды стремились установить материальную истину), суд, разрешая гражданские дела, мог основывать свои суждения на вероятности не только в случае невозможности достоверно установить искомые факты, но и в некоторых случаях нецелесообразности этого с точки зрения задач правосудия (при признании иска, в силу требований принципа процессуальной экономии) [Там же: 484].

А. А. Эйсмэн, описывая количественную модель накопления доказательств в доктрине уголовного процесса, отметил, что ценность улики с количественной точки зрения зависит от статистической связи между доказательством и доказываемым фактом. Краденая вещь чаще находится у лица, причастного к преступлению, нежели у постороннего [Эйсман 1971: 83].

Количественные оценки событиям и явлениям человек дает с помощью не только точных измерений и цифр, но и «полуколичественных» понятий: много, мало, больше, равно, достаточно и т. п. [Там же: 84]. Таким же образом он сопоставляет вероятность событий, оценивает степень их возможности, невозможности, правдоподобия. Эти отдельные «полуколичественные» статистические

оценки улик служат исходным материалом для «полуколичественного вычисления» их комплексов при накоплении [Там же]. Операции с этими понятиями и их оценка не могут быть полностью формализованы и не поддаются выражению числом или формулой, но по своей логической структуре они сходны, аналогичны формулам и отношениям, рассматриваемым теорией вероятностей и теорией информации.

Если мы можем в понятие оценки доказательств вкладывать некоторое количественное содержание, иначе, если можно говорить о большей или меньшей «цене» доказательств, то одно из средств такой оценки – профессиональный и житейский опыт судьи или следователя. Элементами этого опыта являются, в частности, «несчитанная статистика» и приемы обобщения исходных данных, структурно подобные некоторым правилам теории вероятностей [Эйсман 1967: 178].

На уровне официальных документов первые упоминания о стандартах доказывания мы встречаем в постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы». Речь там, правда, шла об уголовных делах, но это не столь важно. Важно, что законодатель уже тогда был ментально готов к самой концепции стандартов доказывания.

Конечно, подобные примеры были, скорее, исключением из общего правила, которое основывалось на догмате о необходимости установить материальную истину в процессе. С отказом от этого догмата, по сути, окончательно исчезли всякие препятствия для «пересадки» стандартов доказывания на российскую процессуальную почву. В том, что такая «пересадка» происходит, сомневаться не приходится: например, по состоянию на сегодня словосочетание «стандарты доказывания» в разделе судебной практики в СПС «КонсультантПлюс» упоминается без малого 25 тысяч раз.

В современном цивилистическом процессе «нельзя говорить и о том, что суд должен стремиться к установлению объективной истины, поскольку решение суда выносится на основе только тех доказательств, которые были исследованы в судебном заседании. Суд тем самым устанавливает так называемую формальную истину, определяемую границами доказательственной деятельности» [Бер-

нам, Решетникова, Ярков 1996: 26]. Судья, оценивая предъявленные доказательства в их совокупности и соотнося их с позицией сторон по делу, не может не понимать, что объективную истину установить с абсолютной точностью в большинстве случаев невозможно [Карапетов, Косарев 2019: 5]. Вместе с тем в доктрине гражданского процесса можно встретить и другие позиции [Боннер 2017; Шакирьянов, Шакирьянова 2021: 36–76]. Вопрос об установлении истины является дискуссионным.

Наше общество принимает тот факт, что решение должно быть вынесено, даже несмотря на то что во время его принятия могут существовать значительные сомнения в правильности установленных фактов. Следствием этого стало появление в судебной практике в 2011 г. (первоначально в спорах о взыскании убытков), а в потом и в законе понятия «разумная степень достоверности» как «разумной степени убежденности» в истинности доказываемого факта [Карапетов, Косарев 2019: 45].

В 2014 г. Высший Арбитражный Суд РФ впервые использовал термин «стандарт доказывания» в постановлении Президиума от 13 мая 2014 г. № 1446/14 по делу № А41-36402/12. Суд указал, что возможность конкурсных кредиторов доказать необоснованность требования другого кредитора, подтвержденного решением третейского суда, обычно ограничена, поэтому предъявление к ним высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству таких кредиторов. При рассмотрении подобных споров конкурсному кредитору достаточно представить суду доказательства *prima facie*, подтвердив существование сомнений в наличии долга. Все бы хорошо, но, к сожалению, употребив этот термин, суд использовал его не совсем однозначно, поскольку в данном случае речь шла не столько о стандарте доказывания, сколько о поводе для перераспределения бремени доказывания.

В 2018 г. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала, что при рассмотрении заявлений о включении рядовых кредиторов суд более тщательно проверяет обоснованность требований по сравнению с общеисковым гражданским процессом, т. е. основанием для включения являются ясные и убедительные доказатель-

ства наличия и размера задолженности. При включении в реестр требований бенефициаров бизнеса должен применяться более строгий стандарт доказывания, чем ясные и убедительные доказательства наличия и размера задолженности, поскольку целью судебной проверки таких требований является исключение у суда любых разумных сомнений в наличии и размере долга, а также в его гражданско-правовой характеристике¹.

Восьмой арбитражный апелляционный суд в споре по договору поставки отметил: «С учетом того обстоятельства, что учредителем ответчика является муниципальное образование, судом должен применяться повышенный стандарт доказывания...»². Однако должна ли организационно-правовая форма или форма собственности одного из участников влиять на применяемый в деле стандарт доказывания – большой вопрос.

В ином «поставочном» споре, осложненном корпоративным конфликтом, суд указал следующее: «В связи с подтвержденными материалами дела корпоративным конфликтом между двумя участниками суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о необходимости предъявления повышенных стандартов доказывания к отношениям сторон. Применяя повышенный стандарт доказывания при рассмотрении спора, суду достаточно установить существенность сомнений в наличии долга»³.

Объясняя необходимость применения нижестоящими судами повышенного стандарта доказывания, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа подчеркнул: «Действительно, в общеисковом процессе с равными возможностями спорящих лиц по сбору доказательств применим обычный стандарт доказывания, который может быть поименован как „разумная степень достоверности“ или „баланс вероятностей“. Обычный стандарт доказывания предполагает вероятность удовлетворения требований истца при представлении им доказательств, с разумной сте-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 июня 2018 г. № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016.

² Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12 июля 2021 г. по делу № А81-9949/2020.

³ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 6 июля 2021 г. по делу № А75-11901/2020.

пенью достоверности подтверждающих обстоятельства, положенные в основание иска. В данном случае отступление от общеискового стандарта доказывания обосновано судами мотивированным указанием на: существование в компании длительного корпоративного конфликта, сопровождавшегося причинением контролирующим лицом убытков юридическому лицу»¹.

Вероятно, в этом случае речь идет опять же не о стандарте доказывания как таковом, а о поводе для смещения бремени доказывания.

В одном из трудовых споров Свердловский областной суд применил повышенный стандарт доказывания, принимая во внимание то, что работник является более слабой стороной в спорных правоотношениях, и поэтому «в основу принимаемого решения положил трудовой договор, представленный стороной истца (а не тот, который представил ответчик-работодатель)»². Можно сказать, что мы уже привыкли к смещению бремени доказывания как некому «уравнителю» при асимметричном доступе к доказательствам. Но почему слабая сторона должна априори заслуживать большего доверия?

Нельзя не отметить оригинальный подход Курского областного суда, согласно которому «...стандарт доказывания для преодоления презумпции добросовестности государственных органов является высоким, и поэтому должны быть представлены неоспоримые доказательства»³.

В настоящее время можно говорить о существовании стандартов доказывания в делах о применении допинга спортсменами,

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 сентября 2021 г. по делу № А75-11901/2020.

² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 18 августа 2021 г. по делу № 33-11966/2021.

³ Постановления Курского областного суда от 16 октября 2018 г. № 4-а-239/18, от 26 октября 2018 г. № 4-а-250/2018.

при доказывании антиконкурентных соглашений, при установлении должной осмотрительности при выборе контрагента в налоговых спорах и т. д., этот перечень можно было бы продолжать бесконечно долго. К сожалению, частое упоминание стандартов доказывания в нашей судебной практике пока вовсе не свидетельствует о едином (а иногда даже и о правильном) понимании этого правового явления.

Количественное и качественное описание доказательств, которые должны быть представлены для установления того или иного обстоятельства, смещение бремени доказывания выступают следствием возникшей необходимости в некоторых случаях представить такие доказательства, которые обусловили бы повышенную степень требуемого в делах определенной категории внутреннего убеждения в доказанности (или недоказанности) устанавливаемых обстоятельств.

Сегодня четко сформулированные правила о том, какой стандарт и при каких условиях должен применяться, отсутствуют. Стандарты доказывания «живут» только в судебной практике, и они достаточно подвижны, как, например, понятия разумных сроков и публичного порядка. Оценочный характер соответствующего термина в доктрине и в судебной практике объясняется тем, что стандарты доказывания производны от совокупности юридических фактов, которые должны быть доказаны сторонами и установлены судом в делах конкретной категории.

Говоря о рецепции стандартов доказывания как процессуального института общего права, считаем противопоставление их «континентальному» внутреннему убеждению судьи как минимум небесспорным. Представляется, что при рассмотрении вопроса о стандартах доказывания гораздо больше оснований вести речь не о конкуренции процессуальных институтов двух правовых систем, а об их частичной унификации.

Список литературы

Ball V. C. The Moment of Truth: Probability Theory and Standards of Proof // *Vanderbilt Law Review*. 1961. Vol. 14. Is. 3. P. 807–830.

Brook J. Inevitable Errors: The Preponderance of the Evidence Standard in Civil Litigation // *Tulsa Law Review*. 1982. Vol. 18. Is. 1. P. 79–109.

Carnap R. Logical Foundations of Probability. Chicago: The University of Chicago Press, 1962. 613 p.

- Damaška M.* Free Proof and Its Detractors // The American Journal of Comparative Law. 1995. Vol. 43. № 3. P. 343–357.
- Engel C.* Preponderance of the Evidence versus Intime Conviction: A Behavioral Perspective on a Conflict between American and Continental European Law // Vermont Law Review. 2009. Vol. 33. P. 435–467.
- McBaine J. P.* Burden of Proof: Degrees of Belief // California Law Review. 1944. Vol. 32. P. 243–268.
- McCauliff C. M. A.* Burdens of Proof: Degrees of Belief, Quanta of Evidence, or Constitutional Guarantees? // Vanderbilt Law Review. 1982. Vol. 35. Is. 6. P. 1293–1335.
- Ramsey F. P.* The Foundation of Mathematics and other Logical Essays. Paterson: Littlefield; Adams & Co, 1960. 312 p.
- Schweizer M.* The Civil Standard of Proof – What Is It, Actually? // The International Journal of Evidence & Proof. 2016. Vol. 20. P. 217–234.
- Stella F.* Causation in Products Liability and Exposure to Toxic Substances: A European View // Exploring Tort Law / ed. by M. S. Madden. N. Y.: Cambridge University Press, 2005. P. 403–425.
- Taruffo M.* Rethinking the Standards of Proof // The American Journal of Comparative Law. 2003. Vol. 51. № 3. P. 659–677.
- The Collected Writings of John Maynard Keynes: A Treatise on Probability / ed. by A. Robinson, D. Moggridge. N. Y.: Cambridge University Press, 2013. Vol. VIII. P. 514–548.
- Wright R. W.* Proving Facts: Belief versus Probability // European Tort Law 2008 / ed. by H. Koziol, B. C. Steininger. Vienna: Springer, 2009. P. 79–105.
- Аргунов В. В., Долова М. О.* О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному судопроизводству // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 2. С. 76–104. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-76-104.
- Бернэм У., Решетникова И. В., Ярков В. В.* Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 1996. 150 с.
- Боннер А. Т.* Избранные труды: в 7 т. М.: Проспект, 2017. Т. V: Проблемы теории судебных доказательств. 560 с.
- Боннер А. Т.* Проблемы установления истины в гражданском процессе: моногр. СПб.: Юрид. книга, 2009. 832 с.
- Будылин С. Л.* Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 3. С. 25–57.
- Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
- Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 220 с.
- Гольмстен А. Х.* Юридические исследования и статьи. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 533 с.
- Гурвич М. А.* Принцип объективной истины советского гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 98–107.
- Карапетов А. Г., Косарев А. С.* Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Приложение к Вестнику экономического правосудия. 2019. № 5. С. 4–96.
- Комисаров К. И.* Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 49–56.
- Курьлев С. В.* Избранные труды. Минск: Редакция журн. «Промышленно-торговое право», 2012. 607 с.
- Решетникова И. В.* Доказательственное право Англии и США. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2021. 320 с.
- Рыжов К. Б.* Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе / под ред В. В. Яркова. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 240 с.
- Шакирьянов Р. В., Шакирьянова Д. Р.* Трансформация категории «судебная истина» в условиях цифровой экономики // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 6. С. 36–76. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-6-36-76.
- Эйсман А. А.* Логика доказывания. М.: Юрид. лит., 1971. 112 с.

Эйсман А. А. Некоторые вопросы оценки как количественной характеристики достоверности доказательств // Вопросы кибернетики и права: сб. ст. М.: Наука, 1967. С. 164–179.

Михаил Андреевич Козлов – управляющий партнер, адвокат адвокатского бюро Свердловской области Urals Legal. 620075, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, д. 101, оф. 8.18. E-mail: kozlov@uralslegal.com.
ORCID: 0000-0003-3575-7364

Standards of Proof as a Result of the Reception of Foreign Procedural Law

There is an essential similarity between the concepts of the Anglo-American standards of proof and the standard of internal conviction, which is traditional for the continental procedural doctrine. No matter how paradoxical it may sound, in relation to the standards of proof, one can at the same time speak about the unification and competition of national procedural systems. When discussing the reception of standards of proof, it is necessary, firstly, to examine their understanding and practice of application in countries of the common law system, as well as foreign continental jurisdictions. This dictates the sequence of presentation of the material: the first part of the article is devoted to the study of the standards of proof in the countries of the common law system; the second – to the study of the mechanism for assessing evidence in European jurisdictions of civil law; in the third part, we will consider what domestic procedural science understands as standards of proof, and how this understanding relates to foreign doctrine.

Keywords: standards of proof, inner conviction, beyond reasonable doubt, preponderance of evidence

Recommended citation

Kozlov M. A. Standarty dokazyvaniya kak rezul'tat retseptsii inostrannogo protsessual'nogo prava [Standards of Proof as a Result of the Reception of Foreign Procedural Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 4, pp. 28–39, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_4_28.

References

Argunov V. V., Dolova M. O. O tak nazyvaemykh standartakh dokazyvaniya primenitel'no k otechestvennomu sudoproizvodstvu [On the So-Called Standards of Proof in Relation to Domestic Legal Proceedings], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 76–104, DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-76-104.

Ball V. C. The Moment of Truth: Probability Theory and Standards of Proof, *Vanderbilt Law Review*, 1961, vol. 14, iss. 3, pp. 807–830.

Bernem U., Reshetnikova I. V., Yarkov V. V. *Sudebnaya reforma: problemy grazhdanskoi yurisdiktsii* [Judicial Reform: Problems of Civil Jurisdiction], Ekaterinburg, Izd-vo Gumanitar. un-ta, 1996, 150 p.

Bonner A. T. *Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom protsesse* [Problems of Establishing the Truth in Civil Proceedings], Saint Petersburg, Yurid. kniga, 2009, 832 p.

Bonner A. T. *Izbrannye trudy* [Selected Works], in 7 vols., Moscow, Prospekt, 2017, vol. V, 560 p.

Brook J. Inevitable Errors: The Preponderance of the Evidence Standard in Civil Litigation, *Tulsa Law Review*, 1982, vol. 18, iss. 1, pp. 79–109.

Budylin S. L. Vnutrennee ubezhdenie ili balans veroyatnostei? Standarty dokazyvaniya v Rossii i za rubezhom [Inner Conviction or Balance of Probabilities? Standards of Proof in Russia and Abroad], *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii*, 2014, no. 3, pp. 25–57.

Carnap R. *Logical Foundations of Probability*, Chicago, The University of Chicago Press, 1962, 613 p.

Damaška M. Free Proof and Its Detractors, *The American Journal of Comparative Law*, 1995, vol. 43, no. 3, pp. 343–357.

Eisman A. A. *Logika dokazyvaniya* [Proof Logic], Moscow, Yurid. lit., 1971, 112 p.

Eisman A. A. *Nekotorye voprosy otsenki kak kolichestvennoi kharakteristiki dostovernosti dokazatel'stv* [Some Issues of Evaluation as a Quantitative Characteristic of the Reliability

of Evidence], *Voprosy kibernetiki i pravo* [Issues of Cybernetics and Law]: conference papers, Moscow, Nauka, 1967, pp. 164–179.

Engel C. Preponderance of the Evidence Versus Intime Conviction: a Behavioral Perspective on a Conflict between American and Continental European Law, *Vermont Law Review*, 2009, vol. 33, pp. 435–467.

Gol'msten A. Kh. *Yuridicheskie issledovaniya i stat'i* [Legal Studies and Articles], Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1894, 533 p.

Gurvich M. A. Printsip ob"ektivnoi istiny sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava [The Principle of Objective Truth of Soviet Civil Procedural Law], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1964, no. 9, pp. 98–107.

Karapetov A. G., Kosarev A. S. Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i empiricheskoe issledovanie [Standards of Proof: an Analytical and Empirical Study], *Prilozhenie k Vestniku ekonomicheskogo pravosudiya*, 2019, no. 5, pp. 4–96.

Komisarov K. I. Sudebnoe usmotrenie v sovetskom grazhdanskom protsesse [Judicial Discretion in the Soviet Civil Procedure], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1969, no. 4, pp. 49–56.

Kurylev S. V. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Minsk, Redaktsiya zhurn. «Promyshlennno-torgovoe pravo», 2012, 607 p.

McBaine J. P. Burden of Proof: Degrees of Belief, *California Law Review*, 1944, vol. 32, pp. 243–268.

McCauliff C. M. A. Burdens of Proof: Degrees of Belief, Quanta of Evidence, or Constitutional Guarantees? *Vanderbilt Law Review*, 1982, vol. 35, iss. 6, pp. 1293–1335.

Ramsey F. P. *The Foundation of Mathematics and Other Logical Essays*, Paterson, Littlefield, Adams & Co, 1960, 312 p.

Reshetnikova I. V. *Dokazatel'stvennoe pravo Anglii i SShA* [Evidence Law of England and the USA], Moscow, Gorodets, 2021, 320 p.

Robinson A., Moggridge D. (eds.) *The Collected Writings of John Maynard Keynes: A Treatise on Probability*, New York, Cambridge University Press, 2013, vol. VIII, pp. 514–548.

Ryzhov K. B. Printsip svobodnoi otsenki dokazatel'stv i ego realizatsiya v grazhdanskom protsesse [The Principle of Free Assessment of Evidence and Its Implementation in Civil Proceedings], Moscow, Infotropik Media, 2012, 240 p.

Schweizer M. The Civil Standard of Proof – What Is It, Actually? *The International Journal of Evidence & Proof*, 2016, vol. 20, pp. 217–234.

Shakir'yanov R. V., Shakir'yanova D. R. Transformatsiya kategorii «sudebnaya istina» v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Transformation of the Category «Judicial Truth» in the Digital Economy], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2021, vol. 11, no. 6, pp. 36–76, DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-6-36-76.

Stella F. *Causation in Products Liability and Exposure to Toxic Substances: A European View*, Madden M. S. (ed.) *Exploring Tort Law*, New York, Cambridge University Press, 2005, pp. 403–425.

Taruffo M. Rethinking the Standards of Proof, *The American Journal of Comparative Law*, 2003, vol. 51, no. 3, pp. 659–677.

Vladimirov L. E. *Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh* [The Doctrine of Criminal Evidence], Tula, Avtograf, 2000, 464 p.

Vyshinskii A. Ya. *Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave* [The Theory of Judicial Evidence in Soviet Law], Moscow, Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1941, 220 p.

Wright R. W. *Proving Facts: Belief versus Probability*, Koziol H., Steininger B. C. (eds.) *European Tort Law 2008*, Vienna, Springer, 2009, pp. 79–105.

Mikhail Kozlov – managing partner, attorney, Urals Legal Attorneys-at-Law, 620075, Russian Federation, Ekaterinburg, Mamina-Sibiryaka str., 101, office 8.18. E-mail: kozlov@uralslegal.com. ORCID: 0000-0003-3575-7364

Дата поступления в редакцию / Received: 15.07.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2022